Михаил Немцев

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

СТИХИ

Михаил Немцев

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

Омск 2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Н50

Немцев М.
Н50 Интеллектуализм. - сборник стихотворений. - Омск : Амфора, 2015. - 50 с.

ISBN 978-5-906706-32-4

16+

© Немцев М., текст, 2015
© Ковалевич В., фото на обложке, 2015
© Кузнецова И., дизайн обложки, 2015

Слово стало мясом

Прошлое, иголка нешкольной мудрости.
Лучше не будет, думаешь ты, узнавая, как
уезжали отцы семейств за Ангару и дальше,

и понимаешь: люди ходили в шкурах,
но уже поделились на беглых рабов и рабов домашних.
Те же, кто был с мечом, стали соль и мрамор.

Но те, для кого важней не [геройская] смерть, но мука,
определяются только: заложник или предатель,
пренебрегая уроками партизанской науки.

Улицы не говорят языком учебников.
Любовники в поезде не сравнивают наследства.
Революция это удар, убийство это судьба.

Шепчешь истории: шутки теперь-то закончились, старая ведьма!
Это уже серьёз, эта осень не зря приходит,
Будут ли темы повеселее, чем что с нами будет?

Поэтическое превращается в политическое
именно там, где слово становится плотью,
или, если угодно цитировать точно, мясом.

НЕДОБРОЙ ПАМЯТИ

серия стихов

*

Осенью тысяча девятьсот сорок третьего года будапештские евреи
рассказывали анекдоты
О концлагерях, о глупых нацистах и традиционной еврейской находчивости.
Прикидывали дни до окончания войны,
Высчитывали расстояние до Берлина.
Полтора года спустя
Кто-то из них, в пешем порядке проходя заснеженную границу бывшей
Мадьярии,
Едва ли мог это припомнить,
с трудом поднимая голову,
уже не имея силы
не плакать, не смеяться, но понимать.

*

Типа любовь, она так безнадёжна.
Пустое время. Ненужные, слишком ловкие пальцы.
Радуйся, у многих нет даже и этого,
Скажем, у тех, кто вернулся через пятнадцать лет
в одежде пятнадцатилетней давности и с испорченным паспортом в тот же посёлок,
но кроме старого своего дома и чёрных заборов,
ничего не нашёл. Речка, безделье, брёвна, и родителей больше нет.

*

В истории победителей,
кроме самих победителей,
есть враги,
и священная ненависть победителей к их врагам.
Поэтому я, мальчик, не знавший беды,
за беду принимавший ещё одну несч. любовь,
только из книг узнавший, что убивать - хуже, чем быть убитым,
с подозрением отношусь к истории победителей.
Тем более, если приходится жить в доме, построенном на костях.

*

1914 – 1939

Когда поленились захлопнуть заднюю дверь,
случается гибель, как большое недоразумение:
жизнь продолжается: песнями, причитаниями,
связями, их обрывами, упованиями, расставаниями,
прочими радостями.
Смерть вроде бы удивляется – мол, кто же меня пустил!
жили же! Вроде бы даже стесняется. Но, в щель заложив кулак,
втискивается в город, где
не пустуют библиотеки,
и внезапно втащив за собой на аркане незаметность и одиночество,
производит массовое опустошение.

*

1933

Кто ещё мог – выходил из дома,
из избы, из хижины, из хаты, шёл
в утренней темноте, унося
то, что уместилось на тонкой спине за распухшей шеей.
На холме стояла Она, пересчитывая издалека
по головам остающихся, неподвижных,
спасающихся сном от продзатруднений.
По колее, между её ногами,
они проходили, кто поживучее, и
двигали в сторону города, где играла громкая и угловатая музыка революции.

*

1956

Когда в свои города возвращались те,
кто провёл по десять лет жизни на Севере или на Дальнем Востоке,
они приходили по местам своей прежней работы,
в институты и университеты,
заходили на лекции о «человеке нового типа»,
и, подходя к лекторам, вежливо и громко представившись,
прямо во время лекции, били их, не щадя,
в висок, по зубам, по лицу, разбивали очки.
Студенты, пряча глаза, смотрели на это
и делали выводы. Или –
не делали выводы.

*

Играй, музыкант! Для того тебе и гитара,
играй, чтобы тот, за стеной, заслоняя взглядом
будто бы равнодушным – самое дорогое
от неизбежных вопросов, прощаясь с теми,
кто глупо на кухне курит, кого уже и не обнять –
играй, чтобы он не забыл, что
кроме досмертной
есть и посмертная жизнь,
и вот она начинается!
Да, там тоже танцуют! Под эту самую музыку!
Играй музыкант,
тебя это не касается,
Там много места, вы с ним не свидитесь… –
играй, музыкант!

*

33 – 1933

Спускаясь ступенями, прокуратор
занимал напряженные пальцы,
поправляя застёжку хитона, кричал про себя: «вечность
потеряна, вечность потеряна, вечность!»
В пятницу вечером, в год другой
заместитель крайпрокурора
выбирясь на служебной «Победе» из дачных окраин
расправлял портупеи, глядя
в окно на заборы и будки, убегающие назад,
говорил про себя: "не сегодня. Я –
не сегодня. Ещё не сегодня".

*

Дом был построен на кладбище, но и кладбища
не было, был овраг
в который неаккуратно сложили тысячу тел,
и не более чем. Потом, заровняв это место, построили дом,
для внуков и правнуков тех, кто здесь был закопан.
Я думаю, даже узнай они это, ничего бы не изменилось,
дом бы стоял по-прежнему люди в нём жили по-прежнему,
занимаясь порой любовью, рожая потом детей, как и положено населению.

*

1944-2010

Горели костры на снегу, и дети
тянули к горячему рваную кожу рук.
Эшелоны кочевали с пути на путь.
кому-то порвали глотку, кого-то забили морозом, кого-то проткнули заживо.
Машина сработала, скрипнув на повороте.
Но всё это в прошлом, когда и горы были повыше. Вы
не узнаете это, у вас - Олимпиада, где
всегда кто-нибудь фотогенично
теряет силы.
Это ль не битва Духа с чёрт-знает-чем?
                Это ли не торжество исторической необходимости?
Тихо в подлунном, сыновья палачей, внуки убийц, братья и сестры.

*

Гомосексуалист,
красный по убеждениям, цыган по рождению,
не имел никаких шансов пережить нашествие чистопородных.
Но и теперь
у него нет шансов не быть забытым. И так и надо!
Он сам во всём виноват, трижды лишив собственную судьбу
возможности сделаться хоть сколько-нибудь человеческой.

*

CODA

То, что терпели, теперь уже не потерпим.
Что человечней: скучать в раю или врать в концерте,
или наводить миномёт и ползти по глине,
в местности, не пригодной для проживания?
Помним ли мы удовольствие камня за пазухой?
Помним ли мы, как уходить от облавы?
Помним ли мы назначение радостанций?
«Мы» –
        произношу я
                безо всякой уверенности.

# # #

Ты не способен сделать живущего неживущим.
Поэтому все эти хрени символ которых пушка –
самообманы садиста; эй, «афтар пеши исчо».
Там где не как здесь, где больше не расстаются –
За бесконечным столом там все соберутся,
но кое-кому не хватит пряников и стола.
Не потому что хозяин стола – иуда,
но потому что за стол не садится изверг,
хлеб его будет соль, водка ему – вода.

И более ничего, и более никогда.

Некий тиран,
увидел тот стол
во сне, и не различил
себя. Диктор ему сказал:
«выбери место сам»,
и камера вниз ушла,
он увидел подвал
и тех, кто с ним вместе был.
Это было вчера. Утром он всё забыл.

historia est magistra vitae

Была война, и Гитлер жил,
Он умер смертью не своей,
И за него теперь не пей.

Был в тропиках такой Пол Пот,
Он камбоджийских ел детей,
За то низвержен был злодей.

Стоят Норильск и Асхабад,
Один в жаре, другой во льдах,
Роднит их человечий страх.

Введенский в поезде сидит,
и сочиняет на ходу,
Уже негодный ни к чему.

Субстанция своё возьмёт:
Злодейства в прошлое уйдут,
Снега руины заметут.

И кто те вспомнит имена?
Кто их историю прочтёт?
Кому такое в ум взбредёт?

Другой истории хочу!
Не этой, близкой к палачу,
А где любому чай и хлеб,
И где не рады стукачу.

# # #

Пока они там заваривают отвратительный чай,
с кусочками
мы здесь разваливаемся –
на ковролиновом нашем уютном полу,
на диване, приходя домой с отработок,
говоря жене (перед ней ноутбук): ну что, и как там идёт битва за урожай?
«Мы», пишу я, представляя себе организм,
перетекающий из серого многоэтажного в серое многоэтажное,
сам себя не узнающий – головы ему не повернуть, да и некуда —
где этот зад, этот хвост, этот круп? Их нет, везде голова.

Но иногда это тело вздрагивает,
становясь чем-то бодрящеся-целостным.
Видали бы вы,
какие это упоительные моменты!

Площадь Ленина, Новосибирск

Зависть к чужому будущему иногда беспокоит.
На площади – лужи, щербатая плитка и первый снег.
Зависть к чужому будущему вдруг иногда беспокоит.
Тебя, обычно привыкшего к самому себе.

Ты куда такой, человек? Озабочен опять собой?
Сколько вокруг тех, кто своего не сделал?
Уже и не сделают. Улицы арестантов, улицы палачей.
Скольких перепилила зависть к будущему вообще!
И к тем, кто заведомо этого не достоин.
Здесь проезжали телеги, гружённые их телами.
Пересекая трамвайные эти рельсы.

И ты со своей стекленённою, отстраненной, выдрессированной
страстью, остановившись под памятником, говоришь:
«Здесь мы гуляли, здесь мы гулять не будем».
И не утешаешься тем, что можешь это сказать и за них за всех,
но утешаешься тем, что уж своё-то будущее получишь.
Каким бы оно не обернулось убогим («у Бога» оно, стало быть).
Это принцип надежды. Это всё – эта зависть, оглядка,
остановка, обращение, утешение, мутный взгляд –
это прямо сейчас, двенадцатого октября,
недалеко от Оби, на площади Ленина, в городе Новосибирске,
в центре.

Октябрь 2013

# # #

Метро – это кровопролитие? «Вхожу я, входят они,
странные очень, конечно, они где-то здесь. Зачем это всё, зачем?
Раз! Потолок улетает – вверх, от меня, от меня. Два!
Три!
Думаю о том дне, когда мы с мамой –
доить козу. Бабушкин голос: “вы не измажьтесь там!”
И маленькая я такая, будто меня вовсе нет.
Бабушкин голос: “Опять всё у вас с бухты-барахты!”
Темно, потому что нет света, не двигаюсь, и дышу.
Дышать, дыхание, воздух – хоть так». Хотя бы вот так.

# # #

Так и нужно: брести с людьми в тёмно-синем и сером,
в общем строю уходить в кафельную гортань под пути,
протиснувшись метротоннелем, пить потом чай в кафе,
собираясь идти проводить семинар про героев прошлого –

(это работа). А как бы хотелось при этом писать мелодические стихи!
Метро как урок смирения. Дальше: всегдашний бардак
как урок смирения. Не превосходи же в умом своём тех остальных,
обреченных искать работу в чужих городах –
и найти её в пердях окраин, за забором и без надежд.

Как бы хотелось при этом всё-таки, скажем, «расти духовно»!

Думай, что в пригородных поездах Ершалаима
тоже не ездили, скажем, законники.
А те, с галилейским плотником были из этих, на ходу спящих –
и один из них, известное дело, уснул потом у костра,
отогревшись и потеряв над собой контроль. Но может быть, это сказка,
приукрасившая события.
Во всяком случае, как бы то ни было, даже когда ты поэт, и лауреат
пяти-шести премий, представляется наилучшим
(или уместным) умереть невеликой смертью, угнездившись в этой толпе
на краю лавки, закрыть глаза, и пусть на лету никто не поймает.

Октябрь 2014

В місте Остроге. Элегия.

...Совершенно обычное “место памяти”.
небогатый сосняк, скорей лесопарк, чем лес,
и уютно под солнцем, такой погодой
только и пользоваться для экскурсий и наблюдений.

Я, как эксперт, – стою тут, мол, видал всё это
(поразительные Stolpersteine в дунайских столицах,
страшные захоронения под соловецкой Секирной,
львовские подвальные одиночки для политв'язнів)
Всё – узнаваемая тема в типичной повести о том же самом.
Даром ли столько народу мочили полвека?
Вот мы теперь обращаемся к памяти, кто как может.
кто как умеет. Вот мы например (здесь толпимся сейчас) –
мы, историки, антропологи.
Мы не пришьем, что отрезано, но хоть о том расскажем.

Стоим перед памятником с надписями на идиш.
Человек, одетый неброско, как сторож из автосервиса -
активист, уже показавший нам парк, организованный за две ночи
радяньскою владой (советскою властью) поверх еврейского кладбища-
здесь теперь говорит: «иногда ещё роются чёрные археологи» -
и машет рукой в сторону ям. Ну, ямы.
Я представить не в силах, чего они тут искали.

Если бы, скажем, во Львове мне говорили
о жизни повстанцев, делах диссидентов, судьбе политв'язнів
я думал бы о своём отношении к тем, кто зв'язал их,
потому что это была работа
людей моего народа.
Но тому, что случилось вот здесь седьмого
августа девятьсот сорок первого года
я чужой, и как не пытайся представить, всё видится только сценой из фильма -
и не знаю, может ли быть інакше.
Памятник. Ну, мы воздаём ему должное.
Камень, табличка. Фотографируем, запоминаем.

Я здесь в рядах некой международной группы,
с академическими рефлексами на былое.
Думать ли мне о судьбе жидов, русінів, цыганей,
или пытаться представить, как это было

здесь на місте Острозе -
всё это: юдаизм, фанатизм, хасидизм, мирознавство,
освіта, містецтво, барышничество, дипломатія, будівля фортецій,
заточка мечей, аскеза, нравоучения,
печать православных книг, строительство синагог,
спудеі, спитающие мандривників –
(як воно там, на Вирменщине чи в Угорщине),
амбиции, капиталы, таемничний подземный ход,
звон колокола, скоханок біг, дияконские басы,
ночное исступление толмачей над нечитаемыми шрифтами,
утренний смех повредившегося философа,
рыцарское молчание военнопленных, гамір
крови людей, які вікують всерйоз.

Что же теперь того – нет да и быть не может?..

2011

Это не может быть красивым…

Там, снаружи – книга, она
говорит нам так много, как будто её написали безо всяких мыслей о нас.
Марк Стрэнд

Екатерине Калмаковой

Это не может быть красивым –
как
кровавые сопли зарезанного подростка.
Если камера вкатит в него, тех хуже тому, кто за.
Это не может быть интересным, любезным, настолько красивым, как было,
когда они (те!) сочиняли играючи, по пути с Марсова поля на Петроградскую
сторону, поплёвывая с мостов.
(Тогда это было, мне кажется, запросто: курсистки, извозчики и т.п.).
Мне кажется, это
не может быть тем, что читают на сонных кухнях,
цитируют в каламбурах,
«возят в седельных сумках»,
шепчут в последний путь,
(разве что тот, кто ушёл, был сверхчеловеком).
Несовершенный как весь язык, это – метод или приём
оказаться другим, в других глазах. Как написал Марк Стрэнд,
«чего мы хотим, больше чем ясной погоды: удобства быть
совершенно чужими, по крайней мере, для себя же самих. В этом суть дела».
Ничего
себе, говоришь ты, а я и не знала, что можно сказать – так.
Что такое бывает, что есть такие слова, что
они означают что-то, что это звучит, что за этим есть… что-то
там есть, до чего не дотянешься своим ростом, всегда его мало. Это
не про удовольствие, не про
комфорт, не про любовь, не про
руки, голову, пальцы, спины, другие знакомые вещи.
Это… голос для никого:
мелодия песка необитаемых северо-западных склонов пустынь; бас-гитара,
превращенная в дерево;
дети, восклицающие по-английски «любовь, любовь»; невыключенные
лифты брошенных небоскрёбов;
политические преступники, размышляющие на краю расстрела о старости
на другой планете…
Это то, чего не бывает при нас, жадных до ясности.
Вот почему я ищу это слово, оно весит больше любых других.
Оно некрасиво. Оно…
Давай с этой ноты начнём.
Назови мне предмет, я подумаю, как зовут его тень, как называется то, что
творится, когда наши тени соприкасаются.

Стихотворение, написанное ночью в поезде, пересекавшем Курганскую область. Обращено к Павлу Арсеньеву.

Это стихотворение написано без души.
Это стихотворение написано от ума.
Автор его надеется достичь некоторой цели
в широко понимаемой сфере стихосложения;
он также имеет амбиции кое-что новое высказать о субъективности,
и потому старается не говорить о самом себе
и о страдании, не менее никчемном чем у других,
и потому пишет его, полностью исключа так называемую «душу».
(И замечает себя, выпирающего из-за каждой гласной).
«Увы, душа моя! Не удержусь – перечеркну».

Это стихотворение предполагает в себе намёк
возможности необычного духовно-интеллектуального опыта,
сводящего во единое духовно-интеллектуальное переживание
α) бесполезное (?) знание о недоказуемой, но действенной связи
колымских забоев 1938-го года и моего разговора с вокзальной кассиршей сегодня утром,
β) непредвиденный страх сочетания смерти европейского Бога
и смерти, сочинителя от....
от... *(Паша я видишь боюсь даже и написать от чего страшно епрст)*,
γ) оправдавшееся стремление сакрализировать ночное бормотание спаренных
раздолбаев.
Всё это вместе покруче любой «души» подножного корма так называемого «вдохновения».
Такое стихотворение нужно писать расчётливо,
уклоняясь от понравиться или учить; а для этого лучше заранее
считать неуместной любую попытку стать лучше посредством текста:
культурнее, сознательнее, одухотвореннее, политизированнее, интеллигентнее.
«Это только картины» – писал о своих сочинениях Кафка.
«Это не стихи, это не стихи» – пританцовывает прах.

В этой литературе нет ничего уместнее и ненадёжнее бездуховности.
И бездушевности.

Бесы? Ну, бесы.

Интеллектуализм

Любой кто на собственном опыте знает, как это: мастурбировать
в щелястом сортире в кустах за какой-то столовой
в бутылке гнилостных запахов, стараясь не замараться
(и не задержаться) – тот может вообразить
настроение выкормышей Академии
(внезапно несовременной), вынужденных беседовать об эстетических преимуществах
поедания трупов казнённых крысами над утоплением таковых в соляной кислоте –
пусть это пока ещё только прикольный застольный кухонный диспут.
Или вопрос: зачем вы так часто засматриваетесь?
Так что юным ценителям строгого размышления, этим редким птицам
нужно ценить этот нелепый опыт (июль, цокотухи, миазмы, случайный попутный сарай,
щели, щеколды, щёкот внутри внизу) –
он позволяет глубже проникнуть в старинную мудрость
«человек это обезъяна человека» то есть фальшивка самой себя/самого себя.
Мне, может быть, чуть поудобнее размышлять об этом
с фрагментами знаний о поучениях Св. Отцов (так получилось, нашлось как-то время
читать, я не виноват), и вообще со склонностью к историзму –
мне; а как с этим всем совладать аккуратному материалисту?
Человек – сосуд с требухой или сосуд вытесненный требухой?
Вдруг да приснится такая дилемма, потом не уснёшь! Но из разума в сон просыпаясь,
находишь себя в столовой, идёшь с подносом за столик,
первое несъедобно, второе кстати вполне себе ничего,
сверху ещё пара булочек с мясом, чаёк, печеньки.
Ну что, говорю я, воздев макаронину вилкой, команданте Богатов,
восстанут убогие и задолбавшиеся? А, восстанут?
Как интересно! А что там писал про такое французский философ Жан-Поль Рансьер?

О поэзии: заметки

1.
Добрую метафизику оценю
на вес иероглифа единственного удара
меча, точное определение
сопоставлю с зенитом чайной церемонии,
(рыцарь, прощай: твой последний помощник ждёт, нужна абсолютная твёрдость).
Но теперь они где, каллиграфы единственного удара?
Их
встретишь не чаще, чем мастеров метафизики.

2.
Мастер определений, умеющий
тонкое лезвие сущности извлечь из вещи;
мастер метафор – он знает, река есть в сущности лезвие –
каким знаками они обменяются, встретив друг друга в узком проходе,
на тесной кухне, в каторжной шахте, в последнем своём вагоне?
Кто бы хотел это видеть?
Быть рядом,
путь не одним из них, но –
допущенным
туда, где искра превращается в точность как бы сама собой.

3.
Стать линзой, со-полагающей
совокупляющей
лучи голосов отсюда туда оттуда:
выжечь последнюю искру (=лазер)
найти удар
взять ноту
произвести слово.
Вход «куда следует».
Жить
при собственной линзе соглядатаем необратимой радости.
Зеркалом незримой стороны земли.
О, это старая сказка старых людей! Теперь
поэтический труд бесполезен:
попытка
узнать
всё.
Собрать весь свет, перелюбить всех, пройти везде.

Запись при чтении стихов отца Сергия Круглова

К Сергею Джиммy

Если бы я был немного потяжелей, я бы вовсе не смог бы об этом сказать,
да и теперешний я – только шепотом,
Видишь ли, страшно даже не умереть или там ум потерять,
страшно узнать, что это уже когда-то произошло,
и вместо тебя по твоим дорогам ходил мардонг:
он улыбался,трудился, внутри носил мертвеца,
и хуже того, ночами с «избранною из сих» упражнялся как мог,
да и теперь, несколько раз в месяц!..
Предупреждали тебя, что может быть так? Предупреждали, да как!
Можно ли было что-нибудь предпринять? Едва ли.
Да и ужаснувшись, всё там же всё так же будешь ходить-бродить,
то ли мардонг, то ли человек то ли, воистину, кукла-на-выданье.

2014

Письма к Аннубис

1.

В женщинах птичье, в мужах – хомячье.
Это сработанные шестерёнки.
Это не «битва полов», не томленье
духа: звериные древние тёрки.
И я ничего не хочу поделать,
будучи мужем и человеком:
хомячье заводится как турбина
во мне в ответ на твоё птичье.

2.

Любви полезно быть сериальной.
Тогда она выдаёт оттенки.
Что бы теперь не случилось с нами –
Всё это выжмешь в свои заметки.
Знаешь ли, я здесь тебя хочу я.
Да, протестировать крепость руки. Это не секрет.
Книги мои говорят мне: побойся Бога.
Я знаю: в твоём оазисе Бога нет.

2011

# # #

Здесь живые не завидуют мёртвым – ищут, чего пожрать,
Обычно находят. Важно успеть, но это не так трудно как может казаться со стороны.
В тесных жилищах спрятаны их припасы. Так называемая «культура» –
это внутри себя вообще-то старинный метод заклеить зубы
тому кто напротив и наконец-то открыл рот. И нечего выть, привыкают все.
И привыкнешь.
Кем нужно быть, чтоб называть словами даже мелкую дрянь вроде всего этого?
Это фильм, называется «Чернуха». Он вообще о духовности, безальтернативной
любви к свободе, которой (правда) обычно что-то мешает:
неверные тропы, ухмылки генштаба, гримасы погоды.
«Метафизика места», говоришь? С хрена ли, тут просто физика,
Скорость ног больше скорости рук, но ногами бить неудобно, шатнёшься. Ноги вообще
для другого нужны, для красоты например или чтобы перемещаться.
И так можно жить. Удивительно, но ведь можно! Жить. А как насчёт «не тужить»?
А так, идиот – не тужить, говорю – не тужить.

Март 2014

Февраль 1943

Это экран, это февральское поле,
пресекший себя самого растянувшийся снегопад – степь.
Чистая ненависть, чистая преданность, чистая смелость,
выпаренная сущность чего угодно.
Те, кто потом вспоминать это будет с нежностью,
вспомнят: всё было чистое, мысли и настроения,
принимая за чистоту простоту, за простоту – близость собственной кожи к снежной яме...
Таки да, не иначе: евразия, пол-день, февраль;
над ненасёленной местностью
летит самолёт, в его забитых
трофеями и документами глубинах
несколько озверевших без сна
унтер-офицеров
полевой цензуры
зашивают мешок с некоторыми солдатскими письмами из окружения.
Эти письма слишком неоднозначны для глаз в тылу.
Поэтому, долетев до каких-то совсем уж диких сугробов,
они валят мешок за борт.
Последние письма людей, занимающихся экстремальным самопознанием,
исчезают в снегах, цензоры растягиваются, расслабляются, сделав своё. Курят.
Этому самолёту не опасны враждебные истребители,
поскольку сам дьявол, специально интересующийся чистотой подобного рода,
заботится об его благополучном возвращении
на аэродром где-то в недрах оккупированной территории.
Конец истории, как бы.

Палач и его народ

– «Республика не нуждается в палачах,
равно как политика не нуждается в подлецах».
Ты с ужасом думаешь, вспоминая карьеру: «меня,
значит, в расход?» – но тотчас они
тебе говорят, как будто читают мысли –
эти новые, иронично-холодные, аккуратно причёсанные молодые люди:
– «Вы мыслите старыми схемами! Вам попросту никуда».
Мгновенное облегчение: может быть, выйдет на старый лад,
выйдет мечтавшееся: домик в тени городской стены,
тот самый, между второй сосной и городским архивом,
Супруга в расцвете, ну, пенсия. Но нет, очень скоро выясняется:
там, в «никуда», нет ничего, нет ничего вообще.
«Республика не нуждается в собственных палачах,
равно как революция не нуждается в теоретиках».

После спектакля – танцы

Не каждому ведь «везёт». У истории есть мизансцены,
некоторые надолго затягиваются, и ты всё играешь, играешь.
Это – жизнь, ты рожаешь как бы детей, копишь чужие деньги,
в норе как бы времени. Уютно там или стрёмно -
там ничего особенного. Ничего. То ли к добру, то ли к бурной ночи.

Но если бы ты видел театральную площадь, ты бы увидел сумерки.
И вот уже вовсе – ночь, и не прохожий уже – часовой,
встав у выхода из театра, ждёт окончательного решения
или окончания этого акта пьесы.
И откуда-то эта музыка в темноте.

Мысль «зря» ему даже не приходит в голову

Человек, мужчина, сидит
на стуле в собственной комнате, у окна,
где ещё не совсем темно, потому что вечер,
смотрит во двор, осмысляет определённость
всего-что-потом: расставаний, разъездов, фантазий бегства, пустых
разговоров под напряжением, неумолимых подписей
под сомнительными бумагами не обещающими ничего,
приговоров, пропажи, забвения, исключений, исчезновений.
«Казённый дом и дорога» – дальняя, как в гаданиях.
Ещё мно-о-го лет до конца света!
В городе – воскресенье (по-старому – Вербное),
все чем-то заняты, вот и жена
куда-то… Он утешается, наблюдая:
ветер наматывает на кустарник пёструю тряпку.
Мысль «зря» ему даже не приходит в голову.

К Е.Д.

Мальчик, уходя на войну, думал про слонов.
Вместе с погодками катился в поезде туда, где взрывы.
Он был рождён, так сказать, зоологом. Все они, вся та рота, девяносто один из ста,
Умерли двадцать пятого ноября сорок второго года
недалеко от города Белого, в самом начале неудачного наступления.
Знаешь, Катя, когда я берусь об этом писать,
выходит набор поверхностей, то бессвязное дыр бул щил,
то в духе уже сочинённого Еленой Фанайловой ре-диез ля,
и правда, недаром я восьмидесятого года.
А то представляется мне наш общий с тобою друг Дима, он –
даром что доктор наук – дрочит на будущую войну.
И что я ему скажу.

# # #

«Воспретить пропаганду так называемой истины!» –
возопил сумасшедший один. Он был безусловно прав:
в ожидании приближающейся войны
нет ничего неуместнее разных «истин».
Ибо одна есть Истина (она же, с маленькой буквы, путь),
и каждый кто не дерьмо, чует её телом,
впитывает её собой, а кто не чует, тот просто
дрянь, и место ему или ей – в дерьме. Так разгоняется
«язык вражды», он разжимается как пружина.
И не до истин иных, тем более – «так называемых»,
то есть разных. Ибо сказано было: вперёд и вверх, а там!
И безумные станут первыми.
Это стихотворение тоже будет ненапечатано,
выбраковано, новый закон его сделает лишним,
и какой-нибудь каблук, вылетев из какого-нибудь строя,
вытопчет эту выброшенную пачку бумажек в лёд.
Слушайте сумасшедших, ибо за ними завтра (послезавтра не будет).

1940

Тысяча с чем-то людей, преимущественно поляков,
медленно втягиваются в ворота временного загона,
охраняемого несколькими пулемётчиками.
Кто плачет, а кто и кричит, зажиточные мешканцы
переступают с ноги на ногу, пропуская голодранцев и стариков,
чтоб оказаться ближе к нацисту, вступить с ним в переговоры,
у них многое есть предложить ему, ну и пойти домой.
Всех регистрируют. Лодзиньский ксендз отец Владислав задержался в столице у брата,
теперь наблюдает за регистрацией, слушает ругань, вдыхает газы и пыль.
Он под балконом, он в незамеченном укрытии.
Ему повезло. Люди внизу - они покорны, обречены,
как деревенский скот, направляемый пастухами.
Ксендз сильно потеет, и ноги его затекли в узкой щели.
«Других горожан у нас с тобой нет, Апостол, так саме?»
«Пойдём». Он сползает в подъезд, выходит во двор, проверяет в кармане паспорт,
смешивается с толпой.
Девятнадцатое сентября, восемь пятнадцать утра.

02.10.14

Развивая Чеслава Милоша

Могу ли сказать им: нет ада,
Когда, что такое ад они узнают на земле?
Чеслав Милош, пер. А. Ройтмана

Анне

В городе Вильно в ночь на первое декабря застрелился мужчина.
В тысяча сороковом году до Рождества Христова.
Он родился когда-то под Рождество 1901 года, в самом начале века.
В Новониколаевске, возле большой реки.
Его мать, набожная крестьянка из Каинского уезда, служила на
вокзальной почтовой станции, отца же никто не знал. Так получилось.
В Гражданскую он не был никуда призван. Так жил, вертел головой вокруг.
В городе был чешский корпус, потом Колчак, а потом уже красные.
Однажды он видел как прямо над крышей его дома под железной дорогой
чехи расстреляли какого-то человека.
Однажды он видел, как другого человека зачем-то повесили за шею.
С двадцати он служил Советскому государству.
Командовал взводом в Киргизии, учился военному делу,
Перешёл на службу в ОГПУ. С тридцати пяти лет он был на штабной работе,
Потому что приняв участие в неких спецоперациях
в Нарымской степи зимой 1933 года, обморозил ступню, не подходил уже для строевой.
Там же он получил нервный тик. Но оставался классным
специалистом, продолжил службу.
Контролировал транспортные операции.
В августе 1937 года он женился на восемнадцатилетней
выпускнице Томского детского интерната. Она задорно
пела советские песни. Но через год
они перестали составлять семью.

В 1938-м он был в Пскове, в 1939-м в Минске, в 1940-м в Вильно.
Город опять назывался Вильнюс, было очень много работы. Но вдруг её стало мало.
Осенью он учился читать по-польски, играл сам с собой в шахматы.
Квартирная хозяйка потом говорила: ночами он долго курил на лестнице.
Когда он застрелился, вопреки учению католических, православных, прочих
Богословов, он прошёл мимо пекла. Он миновал пекло!
У самых дверей его встретило некое невообразимое здесь существо,
сказало только:
«там за тебя кто-то так хорошо помолился». И улыбнулось.

декабрь 2013

Фрагмент

Против установлений всеобщего общежития,
муж остаётся заложником за жену,
у него – бутылка воды и вторая куртка,
ещё – одеяло, и книга, ему разрешили.
Он остаётся в недоброй компании скорбных женщин,
каждая плачет о муже, который ушёл
в леса или в армию, сгинул, свинью подбросил,
и ненавидят его, это ясно: он здесь, они – там.
Трудно готовить еду неопытными руками,
труднее - впервые в такой бабской компании.
Они говорят бабскими голосами.
Он им неприятен. И то сказать! Мужья их – воины,
их сёстры – воительницы, оружие в их ладонях.
А этот сидит со своею сумочкой, и жена его,
вероятно, шлюха. Женщины тихо располагаются на ночь.
Оборачиваются на солдат. Омерзительно всё.
Мужчина просит разрешения развести
костёр, и разводит его.
Затем – неясность.

# # #

«Обратный перевод с языка будущего на язык никакущий.
(Так неправильно говорить;
я знаю). Запоют ещё негармоничные голоса,
проповедуя нелюбовь. Никакущая речь никакущего времени,
и что будет – будет по праву сильных.
Утешаемся: скоро конец всего».
Это было записано в Ерусалиме, в одном из богатых домов в дневнике хозяина дома ровно две тысячи двадцать два года назад, ночью. Вышло не так, как написано, но иначе.
Такое бывает: ждёшь одного, происходит не то. Абсолютно другое!
С тех пор пережили много будущего, но пережили.
Посмотрим, что будет дальше.

Ненависть отворачивается

Ночью, в два двадцать пять, в самый тёмный час
проводами проходит ненависть в твой дом.
Посмотри, говорит она, в лица этих людей,
посмотри, как они одеты и как сидят,
посмотри, послушай, она говорит, как они говорят про всех нас,
почему ты ещё позволяешь себе заниматься чем-то ещё?
Ты партизан.
Да, отвечаешь,
и всматриваясь внимательнее
в глаза одного из них, стоящего на возвышении
в самых ярких одеждах – или что у него вместо глаз там –
и видишь в глазах его ад. Дело в том, что все адские сковородки,
табуретки, подхваты и кочерги, вместе с печными ежами, мучными червями
и всем остальным, утрамбованным в адской кухне –
и все грешники, употребляемые на тех сковородах,
возгоняемые в этих тиглях,
протыкаемые ежовыми иглами,
и весь чумовой персонал печей и угольных жерл –
всё это
в нём,
между гортанью и –
и позвоночником.
Ад! Потому он и говорит так горько и томно. Ад!
Увидев его на миг, пусть на миг, увидев,
увидев, что там творится внутри его немолодого тела,
Ад! ощутив, как эти топки стреляют в его гипофиз,
и Ад! отдаются в каждом скрипе его души – увидев –
Так вот,
почему ты себе позволяешь
заниматься чем бы то ни было, но никогда не молиться за этого человека?
Ненависть отворачивается, оставляя тебя в неумелых слезах.

2012

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЛЬХАМА ОБИ

1. Одежды

Я бы сам тебе рассказал об одеждах только покрыть ся
от сильных порывов, на малых наэкономив, –
да не могу уже: лучшие
всё сделали.
Такой у них был Благовест.
Известие помнишь: схимник, вставая к расстрелу (торопили!)
говорил, обернувшись к сокамерникам (во тьме-за-спиной):
покровы мои разделите по немощам вашим, кому холоднее – берите больший.
Там покровы-то! Надо быть каббалистом, чтоб их исчислить:
на каждую нитку – по ноте или по звуку,
выйдет бедный аккорд, трёхзвучный, не то двухзвучный.
Вот и аккорд! - им звучал мемлевейский суфий
на холодной улице города Ашгабада, когда его не могли уловить
увести – он звучал вытекая из пальцев стражи. Давно, в сороковом году.
Теперь, когда я одеваю свои покровы для стылых улиц,
он надо мной смеётся: тому, говорит, не веришь,
кто и меня обогрел и тебя согреет,
слабак, говорит. Как ты тогда это делал, спрашиваю,
с теми красноармейцами? Он говорит мне (врёт?): если ты обойдёшься
обойтись волосом или ниткой,
они в своих варежках до тебя не дотянутся.
Он смеётся, а я-то боюсь зимы.

2. Одежды 2

Стыдно иметь вторую шапку.
Нельзя не иметь мне вторую шапку.
Стыдно иметь лишнее время.
Всегда украденное у жертв.

Попробуй забыть об этом! Теперь, зимой:
костёр-ледопад,
там его назвал один поэт-сумасшедший.
Зимой костёр-ледопад, зимой и огни не жгут,
ими же льды кипят, меня в себя тихо ждут.
Попробуй забыть об этой! Сними всё своё, оставь,
в степи тебе неуют, а как тем, кто покрыт ничем?
Прямо себя направь
говорю себя я: направь
туда, где сходится снег как овраг или как хребты,
и выйди! Но нет, нет, нет, нет, нет,
«Нет» говорит мне ветер
«Нет», говорит лёд,
это не тебе, говорю я,
ты – не из тех,
одевайся,
иди,
тебя
ждут,
иди,
успеешь ещё обледенеть, обезуметь, замёрзнуть.

3. По дороге во Внуково

Лот обернулся,
обернулся Лот, только раз,
украдкой выбросил взгляд,
и увидел из-под воспалённой подмышки: город,
и голод его не коснётся больше;
были качели, столбы, турники, беседки и их заборы,
спорото всё это будет, как лишние бляшки, скоро.

О, не рыдай, не причитай, не называй женой
Ту, кто от рода столп соляной, сразу зови вдовой!

Но суббота, ещё один день штрафной: увидеть
свой город, родной,
каждому муравью.

Но они, все в чём-то своём, не оборачивались. Лот удалялся,
и я в это утро
и я был одним
из этих
людей, т.е. никем.
Среди домов
среди толстых стержней
указок вверх.

4. Меня нет, ты – есть

Старая книга, в ней говорится: «меня нет, ты – есть».
Читая её, не знаю, кому верить.

Эта кровь на каждом
настоящая или не настоящая?

Эта радость –
для всех или не для всех?

Мужикам и бабам

взрослые пожилые мужики
мужики и бабы
с их войнами и неуставными артелями
(за одною спиной как будто на всех)
с коротким разговорами и усмешками,
суровые дядьки: облажаешься – уебут,
а бабки ещё и отлают, дай повод;
кто с двадцати пяти лет увидел: живёт в оккупации,
и как-то так жить
(но далеко не все, другой и гордился! –
хотя чем там гордиться)
– но обросли скотинкой, по субботам топили бани («баньки») назло врагам,
читали газеты с этим теперь не встречаемым любопытством
туземцев к жизни других туземцев,
они
в неудобных, наспех составленных пригородных деревнях,
через которые ты проезжаешь в маршрутке, чтоб встать на лыжи,
вообрази их себе, позади их домов, рядами
уходящих: то-ли в Сибирь, то-ли в леса, то ли в шахту.
Зря ли ты всё детство учился копать картошку?

февраль 2013

# # #

Любовница – это такая вещь
которой пользуются иногда.
Люди вообще замысловатые существа.
Некоторые мужчины её используют как нашлемник,
некоторые мужчины её используют как нажопник,
некоторые женщины располагают ей как трофеем.
Некоторые живут с любовницей как с женой,
но тогда это и есть жена!
Подумаешь: жизнь начинается с чая –
в чайнике, а не в пакетиках. Однако и это – домысл:
схемы тут нет. Представь, появляется человек,
откуда-нибудь подходит, говорит: я возможен вообще почему? Вот на мне
не состыковался чертёж!
И поэтому я здесь есть.
Впрочем, тело и есть тело, чего только не начертишь! Кожа всё стерпит.

2014

Здесь и сейчас

В жизни людей любви маловато.
Так,
взаимо-
упиханность, в основном.
А как-то справляться надо.

Кто бы воспел эти башни с выглаженными боками болидов,
мимо которых иду я сейчас. На свидание, да.
С работы. О, кто бы
воспел эту скудость
железобетонных стен?
И промеж высотных сараев затерянные площадки,
и промеж тех – недействующие качели,
все пожизненно перекошенные турники,
траншеи в сугробах и главное: мимо идущих всех?
Куда-то они ради каких-то дел.
Вот я – на свидание, как и было сказано; эта мадам в магазин, вероятно.

Мне тридцать три, я здесь их и прожил, меняя книги на сахар,
Топтал этот снег, и продумывал эти жизни.
На что их используют без любви? А единственный шанс, вероятно, будет промотан.
Но даже теперь его вычислить не возьмусь.
Возлягу ль с тобой, о звезда побережья балтийского? Нет, не возлягу.
Явлюсь ли к тебе, итальянка нежнейшая? Нет, не явлюсь.

Что-нибудь такое

Михаилу Богатову

Влияние текстов определяется их количеством
Это как снег, эпоха. И не худшая из ловушек.
Шевелись, говорит мне всё - даже если пришли последние времена,
(а пришли?) напиши что-нибудь ещё
что-нибудь такое,
такое. И это пройдёт как любовь, как зима,
как надежды юного, скажем, Ваганова.
Что-нибудь на экран и бумагу, затем ещё и ещё.
Что устрашает и развлекает одновременно? Объём, сугробы объема.

Стихи под эпиграфом

< . . . > Взятые наугад
аккорды студента Максимова будят в саду цикад,
и утки в прозрачном небе, в предчувствии авиации,
плывут в направленьи Германии.
Иосиф Бродский. Посвящается Чехову

Ницше уже умер, и Гитлер уже родился,
но до Ницше ему еще далеко. Европа
учит санскрит и мечтает о девушках из Нагои.
Состарились негритянки, в отрочестве трахнутые Рембо.
Его Родина – вся в дымах:
для них, бедолаг, там выковывают цивилизацию.
Наращивая обороты, гудят паровые машины.
Сталь дорожает.

Михаил Щербаков бродит по Монпарнасу,
питая себя впечатлениями. Издалека
наблюдает: вот на углу Модильяни обнимает тёмноволосую русскую.
С посохом и талмудом к нему приближается евангелист Шагал.
Они еще ничего не спели и не нарисовали.
Полузажжённые лампы на парижских мостах кажутся Щербакову символами рутины.
Ночью в квартирке под самой крышей он учит язык Овидия,
потом засыпает.

Любой новый день приближает конец истории.
Александр Кожев идёт в Нантьер читать лекцию о прогрессе.
Он вышел из дома заранее, прогуляться.
Несколько севернее, в деревеньке на берегу Сены
Иосиф Бродский ставит велосипед у колодца.
Он пересекает Европу в поисках приключений.
Но где бы нашла приключений сама Европа?
После раздела Африки – лишь в Антарктике,
или в библиотеке.

В немецкоязычном городе, мечтающем о вокзале
(как сказал бы тот самый Бродский), суховатый и пожилой
господин тайный советник старик профессор диктует
о чистом разуме. Студенты, не смея возникнуть, склоняются над папирами.
По вечерам, в пивной,
уже триста лет принадлежащей студенческой корпорации,
они рассуждают о глобализации и вестернизации,
как и положено критикам чистого разума,
говорят, что пора уже в ногу со временем выдумать новое любомудрие,
чтобы вернуться к нормальным, здоровым земным вещам.
Они оптимисты!
И я с ними.

2007

Теология Алексея Хвостенко

Спасибо, Господи, Тебе!
Там песни пел и Хвост и е

му ль петь про кто обидел те?
Она – окно но не в окне.

В таком как всё вокруг кине,
приняв Хвоста: война войне

и только я Тебе, Тебе,
и про «она», но при Тебе,

внутри собаки или крокодила,
оно меня хватало, но не ухватило,

была она, но Ты, но Ты, но Ты!
не справились они скоты

спасибо, Господи, Тебе!
спокоен я: она – одне

и где все те? Добролюбиво
отдам свою слюду и мирро

и золочёное своё
что есть, за то что о, Тебе!

Хвост есть одно из почему,
Она – одно из потому,

Ты вовсе побоку сюда,
За то собакам нет, Тебе и ей же да!

Наутро

Наталье Ковальской

Накануне революции
мы запаслись коктейлем молотова
пили закрывшись и
проспали всё самое интересное

интересно узнать как это – каждому по нужде его
автомат калашникова фанатикам
молотова коктейль подпольным студентам
мотоцикл харлея американистам
книга эко жаждущим андерграунда

в новом лежали там между балконом и выходом
читали стихи что было и что будет
сочиняя их сразу же забывая
чтобы что-то сказал осталось я запишу это

там будет какой-нибудь пошедший на дно корабль
или эшелон прыгающий со своих рельс
там-то я после всего прочитаю тебе их ещё раз
вспомнить - теперь записать время не ждёт
ты

не открывая глаз улыбалась
сжимая на память оставленное историей оружие
под нашими головами ширилась улица
и всё уже было всё было уже всё -
остались мы постреволюционные
постчеловеки
или прачеловеки

Чёрный бражник

Марево размягчает ударные струны.
К чему восклицательный знак приставить? Поищешь и не найдёшь.
Изобретётся ли повод хотя бы к загулу в кругу друзей?
Если не время великих дел... Жизнь эту просто так, унынием, не возьмёшь.
Завтра я ещё не умру! Затем придёт послезавтра.

Так выпьем! За черное молоко
послезавтра, ядрена вошь!

# # #

Последний патрон –
Стихотворение
лишенное шанса пережить автора.
Кем лишенное шанса? Это вопрос.

# # #

Это кораблик там или не кораблик?
Какой такой в этих гуннских полях кораблик?
– Это Радноти Миклош бредёт скошенным полем,
говорит по-еврейски о Поле Верлене,
улыбается и рукою машет.

Это парус там или совсем не парус?
В этой пусте, да в этой пусте откуда парус?
– Это Миклош Радноти в воздух слова бросает,
А ветер их поднимает и поднимает,
Да и уносит на северо-запад, на северо-запад.

21 апреля 2014

Содержание

Слово стало мясом 3
Недоброй памяти 4
"Ты не способен сделать живущего неживущим..." 8
historia est magistra vitac 9
"Пока они там заваривают отвратительный чай..." 10
Площадь Ленина, Новосибирск 11
"Так и нужно: брести с людьми в тёмно-синем и сером..." 12
"Метро - это кровопролитие?.." 13
В місте Остроге. Элегия 14
Это не может быть красивым... 16
Стихотворение, написанное ночью в поезде 17
Интеллектуализм 18
О поэзии: заметки 19
Запись при чтении стихов отца Сергия Круглова 20
Письма к Аннубис 21
"Здесь живые не завидуют мёртвым..." 22
Февраль 1943 23
Палач и его народ 24
После спектакля - танцы 25
Мысль "зря" ему даже не приходит в голову 26
К Е. Д. 27
"Воспретить пропаганду так называемой истины!.." 28
1940 29
Развивая Чеслава Милоша 30
Фрагмент 31
"Обратный перевод с языка будущего..." 32
Ненависть отворачивается 33
Четыре стихотворения Ильхама Оби 34
Мужикам и бабам 38
"Любовница - это такая вещь..." 39
Здесь и сейчас 40
Что-нибудь такое 41
Стихи под эпиграфом 42
Теология Алексея Хвостенко 43
Наутро 44
Черный бражник 45
"Последний патрон..." 46
"Это кораблик там или не кораблик?..." 47

Литературно-художественное издание

Немцев Михаил Юрьевич

Интеллектуализм

редакция авторская
компьютерная верстка: О. Полежаев

Подписано в печать 15.02.2015. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Garamond.
Объем 3 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО «Амфора»
644024, Омск, ул. Почтовая, 38
Тел./факс (3812) 53-12-78
e-mail: amfora2002@inbox.ru